

ОТ ЧАСТНЫХ УРОКОВ – К СОБСТВЕННОЙ ШКОЛЕ: УЧАСТИЕ ГУВЕРНЕРОВ В СОЗДАНИИ ЧАСТНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В РОССИИ (конец XVIII – первая половина XIX в.)

В XVIII столетии в России происходит становление государственной и частной систем образования. Последняя включала, во-первых, учебные заведения, созданные по инициативе отдельных граждан (или групп лиц) на их собственные средства, с целью воспитания и обучения представителей определенных социальных слоев, людей различного вероисповедания и национальной принадлежности. Такие учреждения могли быть закрытыми и служить не только «для преподавания учения, но вместе с тем и для содержания и вообще для воспитания учеников». Они назывались пансионами¹. Во-вторых, кроме школ и пансионов, сфера частного образования включала деятельность домашних учителей и наставников.

Эти два компонента сферы частного образования были тесно между собой связаны и взаимообусловлены, хотя в некоторых работах о гувернерстве данный аспект деятельности домашних учителей не получил должного освещения.

Регион моего исследования – Казанский учебный округ (КУО), один из шести учебных округов, созданных в России по реформе образования в 1803 г. Каждый учебный округ имел свои особенности, которые накладывали свой отпечаток на систему образования в регионе. Однако наличие единой законодательной базы, общих учебных программ и методов обучения позволяет рассматривать отдельно взятый округ как модель для изучения не только государственной школьной системы, но и системы частного образования.

* Светлана Анатольевна Фролова, кандидат исторических наук, доцент Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан.

¹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1897. Т. 22а. С. 703–794.

На протяжении всей первой половины XIX в. КУО был одним из самых обширных. Он охватывал восточноевропейскую и азиатскую (Урал, Сибирь) части России. В его состав входили 14 из 50 губерний России (к 1835 г. – 9) с многонациональным населением, принадлежавшим к различным религиозным конфессиям. Особенностью округа была также его социально-экономическая неоднородность.

Цель статьи – проследить процесс создания частных учебных заведений от зарождения идеи «своей школы», через ее реализацию до момента закрытия. Я бы хотела осветить три проблемы: 1. Кем были учредители частных учебных заведений по национальности, профессии и семейному положению? 2. Каковы причины открытия частной школы или пансиона? 3. Что требовалось для успешного функционирования частного учебного заведения?

* * *

С 1804 по 1857 г. численность частных школ и пансионов в России возросла в 9 раз – с 88 до 818². По количеству частных учебных заведений лидировали столицы. КУО находился на последнем месте. С 1802 по 1859 гг. здесь, по предварительным подсчетам, было открыто 82 частных учебных заведения (из них 58 женских, 14 мужских и 10 смешанных). Основателями 26 были немцы, такого же числа – русские, 15 – французы, остальных – поляки (4), итальянцы (2), швейцарцы (2), голландцы (1). В 10 случаях национальная принадлежность учредителей не установлена.

Создание пансиона было делом поистине семейным. Из 15 французов, учредивших пансионы в КУО, 14 состояли в браке, а одна учредительница была вдовой. Как правило, оба супруга участвовали в работе учебного заведения в качестве преподавателей и организаторов учебного процесса. Иногда к ним присоединялись теща с тестем (тесть Лейтера – К.Г. Парет, теща Феликса – Е. Адриан). Постепенно в дело включались дети: дочери как классные дамы и сыновья как надзиратели или учителя. Впоследствии они наследовали дело своих родителей (семейство Дельсаль в Москве) или продолжали его, как, например, дочь французского актера Ц. Стокле (Штоклейт, в замужестве Надеждина), открывшая в Саратове женский пансион по программе пансиона ее матери, отказавшейся принять российское подданство³.

² *Сергеева С.В.* Частное образование в России (последняя четверть XVIII–первая половина XIX вв.). Пенза, 2000. С. 45; *Фальборк Г., Чарнолуцкий В.* Народное образование в России. Спб., 1900. С.184.

³ Национальный архив Республики Татарстан (далее НА – РТ), Ф. 92. Оп. 1. Д. 6598, Л. 6, 40.

Почти все содержатели пансионов и школ в Казанском учебном округе в прошлом были домашними учителями. Причем работа в семьях высокопоставленных российских чиновников (сенаторов, губернаторов) позволяла им заниматься преподавательской деятельностью без законного свидетельства достаточно продолжительное время: Софье Тропе – в течение 9 лет, Луизе Ивановне Лакомб (она же Елизавета Ивановна Мансард) – 12 лет. Впоследствии обе они довольно быстро открыли свои пансионы, пользуясь покровительством бывших работодателей.

Многие из гувернеров старались поступить на службу в губернские гимназии или в университет, что обеспечивало стабильный доход и положение в обществе. Подобная служба обеспечивала деятельного педагога пансионерами, которых он имел законное право содержать у себя в доме, а следовательно, и дополнительным заработком. Этим пользовались многие учителя иностранных языков в гимназиях. К примеру, из 15 французов – содержателей пансионов в КУО 7 человек одновременно были учителями в гимназиях, а именно - Карл Манжен и Арнольд Дечеверри (в Казанской гимназии)⁴, Франц Лоран (в Вятской гимназии), Иосиф Лежаль и Александр де Монфор (в Нижегородской гимназии), Иосиф Феликс (в Саратовской гимназии). Карл Адриан поступил учителем в Симбирскую гимназию после закрытия своего пансиона. Давид Жирарден, закрыв свой пансион, поступил учителем в Тамбовское дворянское училище. Двое из этих учителей (Монфор и Феликс) были ранее офицерами французской армии, попавшими в плен и пожелавшими принять российское подданство.

Содержатель женского пансиона в Арзамасе (Нижегородской губернии) Б.В. Гибаль в прошлом содержал один из лучших, образцовых пансионов в Москве, был опекуном Санкт-Петербургского воспитательного дома, приглашался князем Г.А. Потемкиным-Таврическим на должность ректора Екатеринославского университета.

Однако переход на службу в гимназию не рассматривался иностранцами как окончательный. Учительское жалованье было небольшим, его порою задерживали. И бывшие гувернеры нередко снова возвращались к частной практике. При этом сам факт службы в государственной школе позитивно отражался на биографии домашнего учителя, повышая его статус как в глазах общественности, так и учебного начальства. Возможность снова вернуться на службу в гимназию

⁴ Подробнее см.: *Фролова С.А.* Учителя Казанской гимназии – основатели частных пансионов (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Третья в России, первая в Казани: к 250-летию со дня основания Казанской первой гимназии. Казань, 2008. С.286–342.

всегда оставалась, особенно в провинции, из-за недостатка учителей иностранных языков. Шансы хорошо устроиться повышались у иностранцев, владевших русским языком. Например, в 1831 г. учитель французского языка Нижегородской гимназии Монфор уволился из-за невозможности «содержать многочисленное семейство свое при малом жаловании» (у него было четверо детей) и устроился губернатором к генерал-лейтенанту Палицыну. В начале 1834 г., когда в Нижегородской губернской гимназии освободилось место учителя французского языка, из всех кандидатов на эту должность выбрали Монфора, пожелавшего вернуться⁵. В чем причина подобного успеха? Ректор Казанского университета, Н.И. Лобачевский, строгий начальник и довольно язвительный человек, осмотрев в 1836 г. Нижегородскую гимназию, так писал о Монфоре: «Учитель французского языка, по легкости, свойственной французам, позволяет себе пренебрегать иногда должностью, пропуская классы. Он один из учителей французского языка, сколько знаю, который совершенно свободно говорит на русском. Им надобно дорожить в ожидании, что сам будет ценить свое звание с улучшением гимназии»⁶. Заметим, что Монфор не только свободно говорил по-русски, но и грамотно писал, как видно из его прошения на имя Лобачевского⁷. Довольно правильно изъяснялся на русском языке Давид Жирарден, с 1795 по 1809 г. содержавший пансион в Петербурге, а затем с 1811 по 1819 г. в Козлове Тамбовской губернии.

Совершенной противоположностью им был Карл Адриан, десять лет содержавший пансион для детей обоего пола в Симбирске (1794–1804) и впоследствии работавший учителем в Симбирской гимназии (1808–1818). По отзывам современников: «Старик Адриан принадлежал к числу тех бездарных и малоспособных иностранцев, которые, прожив 20 лет и более в России и вращаясь постоянно среди русских, все-таки не могут научиться правильно говорить по-русски, и поэтому на учительской должности не имеют влияния на учеников»⁸.

Причины открытия пансиона

Для анализа причин открытия частного учебного заведения я обратилась к прошениям и автобиографиям их содержателей. Документы отложились в архивных фондах Казани, Петербурга и Москвы.

⁵ НА РГ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1615. Л. 1; Д. 1967. Л. 1–5.

⁶ *Лобачевский Н.И.* Научно-педагогическое наследие. Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма. М., 1976. С. 472.

⁷ НА РГ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1615. Л. 14.

⁸ *Христофоров И.Я.* Очерки из истории Симбирской гимназии с 1809 г. по 1825. Симбирск, 1875. С. 84, 85.

В выборку вошли 38 прошений за период с 1799 по 1859 г. о желании открыть частное учебное заведение в столичных городах Москве и Петербурге и в других населенных пунктах, таких как Астрахань, Аткарск (Саратовской губернии), Белосток, Воронеж, Казань, Кострома, Нижний Новгород, Симбирск, Саратов, Тамбов, Тобольск, Орел, Пермь.

Столь незначительная выборка объясняется следующими причинами. Во-первых, часто в прошениях причины открытия не названы. Во-вторых, подлинники или копии прошений не всегда посылались директорами училищ в вышестоящие инстанции, в лучшем случае пересказывались ими в своих отношениях. Иногда к попечителям округа или министру держатели обращались напрямую. Недостаток сведений из их прошений восполнялся данными из автобиографических записей некоторых держателей.

Причины открытия частных учебных заведений были мною систематизированы и объединены в 10 групп. Первая группа причин, самая распространенная, встречается в 23 случаях из 38 (60%). Это желание и убедительные просьбы со стороны местного «благородного общества», «некоторых родителей», «почтеннейших жителей» и т.п. Активная позиция горожан играла большую роль на разных стадиях существования частных учебных заведений: при подготовке к открытию, в случае возникновения проблем с чиновниками и т.д. Объединение родителей с целью спасения училища от закрытия позволяет видеть в этой деятельности зарождение элементов гражданского общества в России, поскольку родители так отстаивали свое право выбирать форму обучения и учителей для своих детей.

Вторая причина – приглашение со стороны губернатора и его желание учредить в городе пансион или школу. Эта причина была сознательно мною выделена, чтобы проследить, как часто глава губернии официально выступал в качестве инициатора создания и покровителя частного учебного заведения. С другой стороны, интересно было узнать, насколько действенной была апелляция к авторитету губернатора. Из 38 случаев она встречается только два раза и всегда в сочетании с первой причиной, что свидетельствует о поддержке интересов местной элиты высокопоставленными губернскими чиновниками. Эти прошения были поданы в первой четверти XIX в. В николаевское время упоминать в прошении губернатора не имело смысла.

Третья и четвертая причины скорее могут рассматриваться как характеристика дополнительных преимуществ, которыми обладал будущий держатель. Третья причина была сформулирована только в прошении отцов иезуитов, рассматривавших открытие мужского пан-

сионна как одну из своих обязанностей. Четвертая причина показывает наличие у содержателя большого опыта педагогической деятельности в качестве губернатора (губернантки) и желание его применить. Подобные аргументы встречаются в 6 из 38 случаев (16%). Это был достаточно весомый аргумент для правительственных чиновников. Известны случаи, когда при соблюдении всех формальных требований в основании пансиона было отказано из-за отсутствия педагогического опыта, например, Потто – сыну содержательницы казанского женского пансиона⁹.

Оставшиеся пять причин рассматриваются мною как отражение в прошениях понятия «пользы»: общественной и частной. К пятой группе отнесены доводы содержателей об общественной значимости и пользе учреждения новых учебных заведений. Так, С.М. Вишневецкая писала, что открытием женского пансиона она отдавала долг своему Отечеству за приложенное ее родителями попечение о ее образовании¹⁰. Е.И. Шарьер (Москва) открывала пансион «в знак признательности к той стране, в недрах которой столько лет провела покойно и счастливо», желая «хотя малейшую со своей стороны оказать услугу оной»¹¹. Подобные аргументы были распространены и встречаются почти в четверти случаев (10 из 38).

В два раза реже содержатели называли в качестве довода «пользу благородному юношеству» от частного учебного заведения (в 6 случаях). Пять из прошений однотипны. Они были поданы в Московском учебном округе с 1823 по 1825 г.¹², что свидетельствует о наличии в этом регионе сформировавшегося штампа в написании прошения. Подобного не было зафиксировано в материалах КУО.

Некоторые содержатели в прошениях открыто заявляли о личной пользе от создания пансиона или школы. Речь шла об улучшении благосостояния своей семьи и возможности дать хорошее образование собственным детям. Подобные доводы приводятся в 10 случаях. Обращение к истории небольших школ грамоты, многие из которых существовали нелегально и учреждались мелкими отставными чиновниками, военными, священниками, мещанами, показывает, что эти лица тоже создавали школы, в первую очередь, как источник дохода.

Правительство строго следило за тем, чтобы плата с учащихся соответствовала уровню обучения и содержания в пансионе. Иногда отказы в учреждении пансиона были вызваны плохим материальным

⁹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 977. Л. 1.

¹⁰ Российский гос. исторический архив (Далее РГИА). Ф. 733. Оп. 20. Д. 194. Л. 1.

¹¹ Центральный исторический архив Москвы (Далее ЦИАМ). Ф. 156. Оп. 1. Д. 109. Л. 14.

¹² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Д. 4046. Л. 1; Ф. 459. Оп. 1. Д. 2335. Л. 7, 35, 51; Д. 2640. Л. 2.

положением соискателя. Например, пастору Гептеру было отказано потому, что одни его личные качества «не есть надежда на общепользность частного заведения: оно потребует значительных издержек на устройство и на заплату учителям, пастор же человек, как известно, бедный, не имеет к тому способов и, следовательно, заведение не может обещать» столько пользы, сколько доставляет» Астраханский институт благородных девиц¹³.

Содержателями чаще всего приводился один какой-либо довод в пользу необходимости открытия частного учебного заведения. В некоторых случаях назывались два и более аргумента в пользу создания частной школы или пансиона.

Таким образом, вышеприведенный анализ причин открытия частных школ и пансионов свидетельствует, что в основе действий учредителей школ и пансионов лежали потребности провинциального общества. Местная элита в лице главы губернской администрации, дворянского и купеческого общества находила человека, готового реализовать определенный образовательный проект, оказывала ему поддержку и покровительство. Эта же элита могла тормозить и в конечном счете даже блокировать не только появление некоторых частных учебных заведений (например, пансион Гофмана в Пензе), но и правительственные проекты создания государственных учебных заведений, как, например, проект создания благородного пансиона Казанского университета¹⁴.

Готовность педагога открыть собственное учебное заведение свидетельствовала о его профессиональной зрелости, авторитете в местном обществе, как правило – об определенном уровне материальной достатка и, безусловно, гражданской зрелости. Учреждая школу или пансион, человек включался в систему официальных взаимоотношений с государством (в лице училищных чиновников) и брал на себя целый ряд обязательств, за неисполнение которых нес ответственность перед учащимися, их родителями, учителями, государством и обществом в целом. Поэтому учреждение учебного заведения рассматривалось современниками как общественная миссия, одна из разновидностей служения Отечеству.

Средства для открытия пансиона

Для создания собственной школы или пансиона требовались средства для найма или приобретения помещения, мебели, съестных припасов, дров, свечей, содержания прислуги и учителей. Из домашних учителей, работавших в провинции, мало кто обладал подобными

¹³ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6269. Л. 5 об.

¹⁴ Фролова С.А. Благородный пансион Казанского университета: замысел М.Л. Магницкого... и реализация? // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Казань, 2004. С. 281–300.

средствами, особенно если был обременен семьей. Проблема размещения учебного заведения могла быть решена несколькими способами. Интересен опыт содержательницы женского пансиона в Казани Софьи Юнгвальд. В качестве платы за квартиру она обучала детей владельцев дома¹⁵. Ее учебное заведение просуществовало 44 года, переезжая из одного дома в другой.

Идеальный вариант решения хозяйственных проблем для содержателя пансиона имел место в Казани. В 1823 г. родители учащихся заключили на два года с учителем Лейтером контракт, по которому обязались сами нанять дом с мебелью и прислугой, закупить необходимые пособия (книги, бумагу, перья, приборы и т.д.) и оплачивать содержателю воспитание и обучение их детей (4000 руб. асс.), а также выделять раз в 4 месяца деньги на хозяйственные нужды (пища, отопление, освещение дома и пр.) и обслуживающий персонал (по 2000 руб. асс.)¹⁶.

Арендовав помещение, содержатель был заинтересован как можно быстрее произвести набор учащихся, чтобы получить средства на приобретение всего необходимого для школы и оплаты труда учителей. Поэтому, даже не имея официального разрешения на открытие пансиона или школы, многие учредители начинали занятия, формально нарушая закон. Подчас местное начальство смотрело на это сквозь пальцы, но иногда на подобном поведении содержателей некоторые директора училищ умышленно акцентировали внимание, что вело к долгим конфликтам, которые подчас заканчивались разорением содержателя и его переездом в другой город¹⁷.

Некоторые лица, желая открыть собственный пансион или школу, обращались за финансовой помощью к императору или императрице. Александр I, как правило, отказывал, мотивируя это необходимостью нести расходы на государственные школы и нежеланием создавать подобные прецеденты.

Так, в 1803 г. к императору обратились немецкие учителя Иоганн Шерер, Карл Пабст и Софья Пюттман (урожденная Пабст) из Эльберфельда. Они просили разрешить им открыть в России «два института воспитания, один для детей мужеского, а другой для детей женского пола». Задача институтов, по замыслу учредителей, «будет состоять в том, чтобы деятельность детей соответствовала их душевным и телесным силам». Шерер и Пабст вдвоем рассчитывали преподавать

¹⁵ НА РТ. Ф. 160. Оп. 1 Д. 29. Л. 3 об.

¹⁶ Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1667. Л. 11–12 об.

¹⁷ Подробнее см.: *Фролова С.А.* Власть, дворянство и частное образование в русской провинции в первой четверти XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2006. № 3. С. 16–27.

«главные искусства и науки»: рисование, живопись, чистописание, музыку, математику, географию, естественную историю, французский, итальянский, английский и латинский языки, логику, мораль, эстетику и проч. «Что ж касается до девичьего Института, то г-жа Пюттман будет преподавать девицам в оном находящимся все нужные познания, также обучать рукоделиям, как-то: шитью, вышиванью и проч. Само собою, разумеется, что воспитанники будут заниматься гимнастическими и другими упражнениями»¹⁸. «Но как основание такового Института и проезд в Россию сопряжены с столь великими издержками, что нам не возможно предпринять оного без помощи Вашего Величества, – писали в своем прошении учителя, – то простите великодушно, милосердный государь, смелости, с которою всенижайше просим вас о милостиюпомощии для основания сего Института и проезда нашего»¹⁹. «Будьте уверены, Всемилостивейший государь, – заключали просители, – что не корыстолюбие, но высочайшая милость Вашего величества, так же как и важность обязанности сего учреждения, возбудили в нас сие предприятие»²⁰. Император решил, «что при расходах государственных на училища неудобно определять требуемое вспоможение»²¹.

Подобные обращения от иностранцев были, вероятно, не редкостью. Прибегали к ним и российские подданные. Например, в конце сентября 1816 г. С.М. Вишневская, через год после открытия женского пансиона в Петербурге, обратилась с просьбой о покровительстве и «вспоможении» сначала к императрице Елизавете Алексеевне²², а в начале декабря того же года к императору Александру I. Она писала, что «издержки весьма превосходят получаемое теперь на содержание»²³. Ее вполне устраивала сумма в 10 000 руб., даже в долг, либо в качестве оплаты долга она предлагала определить в ее пансион шесть девочек-сирот. 19 мая 1817 г. Александру I доложили о деле Вишневской. Император не мог пожаловать деньги на частный пансион, это создало бы прецедент для аналогичных обращений со стороны других содержательниц. Определять сирот в частные пансионы не имело смысла, поскольку этим целям служили Воспитательные дома и Смольный институт благородных девиц. «Высочайшего соизволения» на прошение Вишневской не последовало. Содержательнице пансиона отказали в пособии²⁴.

¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 41. Л. 5–5 об.

¹⁹ Там же. Л. 7 об.–8.

²⁰ Там же. Л. 8.

²¹ Там же. Л. 9.

²² Там же. Ф. 535. Оп. 1. Д. 7. Л. 167–168 об.

²³ Там же. Ф. 733. Оп. 20. Д. 194. Л. 3 об.

²⁴ Там же. Л. 8.

В царствование Николая I одной из первых получила финансовую помощь в 1830 г. Савич. Ее женский пансион в Могилевской губернии в местечке Пропойске по свидетельству попечителя Белорусского учебного округа «по устройству своему и умеренности платы, взимаемой за воспитание в оном девиц, заслуживает особенного покровительства». По решению Комитета министров, «дабы доставить Савичевой более способов к поддержанию и распространению полезного ее заведения, производить ей в пособие по 2000 руб. в год из государственного казначейства, доколе пансион ее будет существовать». Кроме того, по просьбе Савич ей были выделены две помощницы из «воспитанниц Воспитательного дома, которые бы способны были для звания наставниц». Жалованье им выплачивалось из казны²⁵.

В дальнейшем правительство выдавало субсидии так называемым «образцовым женским пансионатам». Они создавались в Киевском и Белорусском учебных округах с целью распространить русское образование между дворянами этих губерний и создать конкуренцию женским пансионатам при римско-католических монастырях²⁶. Думаю, что требование правительства закрыть женские монастырские заведения к 1842 г., а, главное, государственная финансовая поддержка должны были позволить содержательницам светских женских пансионатов хорошо организовать свое дело и, тем самым, оказать «достаточное влияние на общественное мнение, чтобы заменить <...> монастырские училища»²⁷, способствовать скорейшему привлечению в оные дворянских детей.

Согласно докладом министра народного просвещения от 1 февраля и 7 июля 1837 г. император повелел устроить 11 образцовых женских пансионатов, в Вильне, Витебске, Полоцке, Минске, Гродне, Белостоке, Киеве, Виннице, Житомире, Ровно и Каменец-Подольском с производством каждому по 1500 руб. серебром в год пособия от казны²⁸. К 1843 г. подобные заведения были открыты в Вильне, Минске, Витебске, Полоцке, Каменец-Подольском, Киеве и Житомире²⁹.

Несмотря на получение ежегодной правительственной субсидии, эти учебные заведения сохраняли статус частных пансионатов, причем некоторые из них создавались на базе уже существующих. Напри-

²⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1825–1839. СПб., 1864. Т. 2. Отд. 1. Стб. 285–286. (Далее – СБП по МНП)

²⁶ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. 1835–1849. СПб., 1866. Т. 2. Стб. 474. (Далее – СБР по МНП)

²⁷ Там же. Стб. 475.

²⁸ СБП по МНП. Т. 2. Отд. 2. Стб. 226; на Виленский образцовый женский пансион выделялось ежегодно 1000 руб. сер. в год. СБР по МНП. Т. 2. Стб. 691.

²⁹ СБП по МНП. Т. 2. Отд. 2. С. 225–226; СБР по МНП. Т. 2. Стб. 691.

мер, попечитель Киевского учебного округа просил «существующий в Киеве частный женский пансион г-жи Залеской обратить в образцовый, потому что заведение это вполне сего достойно и что в оном воспитанницы оказывают весьма удовлетворительные успехи в русском языке, истории и географии»³⁰.

Кандидатуры содержательниц таких пансионеров утверждались в Министерстве народного просвещения. В должность определялись русские, преимущественно бывшие воспитанницы Институтков.

Особое денежное пособие от казны (1000–1500 руб. сер.) выделялось содержательницам «для лучшего устройства сего заведения и уменьшения платы за воспитанниц». Согласно «Положению о Виленском образцовом пансионе для образования девиц среднего состояния» 1843 г. деньги отпускались в безотчетное распоряжение хозяйки пансиона по третям года вперед (п. 1)³¹. «Положение» предоставляло содержательнице пансиона свободу действий не только с финансами. Она по своему усмотрению могла расширить комплект учащихся, включавший 50 полных пансионеров (п. 21) и т.п. В отношении к училищному начальству содержательница обязана была исполнять существовавшие узаконения о частных учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения (п. 11). При этом «если училищное начальство усмотрит, что содержательница не исполняет принятых на себя обязанностей и не заботится надлежащим образом об усовершенствовании образцового пансиона, согласно с благотельною целью правительства, в таком случае, по представлении о том министру народного просвещения, с его разрешения прекращается производство пособия или передается содержание пансиона другому благонадежному лицу» (п. 33).

Вскоре появляется другая альтернатива – изменение статуса пансиона и полный переход его в казенное ведомство. Например, уже упоминавшийся выше Виленский пансион в 1848 г. стал казенным образцовым пансионом для благородных девиц. Его начальница, классные дамы и прочие служащие получали жалованье из бюджета Виленского дворянского института. Повысилась ежегодная плата за обучение и воспитание за полную пансионерку с 70–80 руб. сер. до 120 руб. сер. (п. 29), за полупансионерку – с 40 руб. сер. до 70 руб. сер. (п. 30). Выпускницам предоставили возможность по окончании пансиона «получить свидетельства на право обучения в частных домах чтению и письму на русском и иностранных языках и арифметике, не подвергаясь особому

³⁰ СБП по МНП. Т. 2. Отд. 2. Стб.225.

³¹ Там же. Стб. 691–697.

для того испытанию» (п. 39). По-прежнему сохранялось ежегодное пособие из Государственного казначейства (п. 45). Изменения коснулись процесса обучения. Курс увеличился с трех до четырех лет и т.д. В отличие от частного пансиона на польском языке стали преподаваться не только Закон Божий римско-католического исповедания, но и сам польский язык, а всеобщая история и география – на французском (п. 10)³².

В 1850 г. министр народного просвещения поддержал создание образцового девичьего пансиона в Одессе под руководством содержательницы частного пансиона штабс-капитанши Рыкуновой. Она пожелала «поставить открытый ею в 1847 году частный девичий пансион в Одессе на такую степень, чтобы он мог служить образцом для других подобных заведений». Кандидатуру содержательницы одобрили попечитель Одесского учебного округа, губернатор и градоначальник. По их мнению, «хотя в Одессе существует много девичьих пансионов, содержимых большею частью иностранцами, кои хорошо образованы и могут быть воспитателями поручаемых им детей, но ни одно из этих заведений не отличается тою национальностью, которая заметна в детях, воспитывающихся в казенных заведениях и пансионах, содержимых природными русскими». Следовательно, главным фактором в выборе кандидатуры содержательницы для образцового пансиона стала ее национальная принадлежность. Рыкуновой выделялось ежегодно по 1500 руб. сер. из городского бюджета Одессы, за что она готова была содержать 7 воспитанниц пансиона «за умеренную плату». Министр предложил ей вовсе отказаться от взимание платы за обучение 5 учениц. Содержательница согласилась и выразила желание оставлять их в своем заведении после окончания с жалованьем в 120 руб. сер. в год, а также снизить ежегодную плату с полной пансионерки до 200 руб. сер., с полупансионерки – до 100 руб. сер., с приходящей – до 60 руб. сер.³³

В других округах ситуация обстояла иначе. Содержателям пансионов, как правило, отказывали в выдаче пособия (ссуды). Причины наглядно видны на следующем примере. В апреле 1835 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа князь М.А. Дондуков-Корсаков ходатайствовал о выдаче пособия Журдану – содержателю мужского пансиона в Петербурге. В пансионе обучалось тогда 34 воспитанника, и, по мнению попечителя, это учебное заведение «почитается, после Муральева, бесспорно лучшим и по составу своему принадлежит к заведениям гимназическим, в коих здешняя столица по своему народонаселению, с открытием даже 4-й гимназии, будет нуждаться. Со-

³² Там же. Стб. 1000–1012.

³³ Там же. Стб. 1015–1017.

держатель пансиона, соединяющий личное образование с долголетнею опытностью в воспитании юношества, по справедливости заслуживает в сем отношении то доверие общества, которым столь долгое время пользуется. Стечение частных причин, не зависящих от Журдана, привело в последнее время его пансион в некоторое расстройство»³⁴. Тем не менее, несмотря на столь лестные характеристики, министр народного просвещения С.С. Уваров отказал в удовлетворении этой просьбы: «Имею честь ответить, что при непрестанном распространении казенных учебных заведений особенно здесь в столице и при учреждении при оных во всех отношениях благоустроенных пансионов я не нахожу необходимости испрашивать содержателям частных пансионов столь значительных от правительства пособий. С другой стороны, Журдан не представляет никакого обеспечения к исправной уплате просимой им суммы, а из дел департамента народного просвещения видно: что сделанные и прежде сего некоторым пансионсодержателям денежные ссуды вносятся ими весьма медленно и при том с напряжениями, а другие и во все не возвращаются заемщиками»³⁵.

В ряду правительственных мероприятий 1830–1840-х гг., направленных на создание эффективной системы контроля за сферой частного образования, а впоследствии и ограничения количества частных учебных заведений, финансирование частных женских пансионов может показаться странным. На самом деле, выделение ежегодных субсидий из государственной казны целому ряду частных учебных заведений только в западных губерниях отвечало русификаторским устремлениям правительства и было направлено на создание светской системы обучения для девочек в этом регионе. Ее основу составляли частные учебные заведения, некоторые из которых со временем будут преобразованы в государственные. Училищными чиновниками широко использовался опыт, управленческие качества и авторитет содержателей частных пансионов. В дальнейшем, уже в правление Александра II, содержательницы частных пансионов привлекались правительством в качестве начальниц казенных женских училищ.

Для содержателя частного учебного заведения получение денежного пособия от правительства являлось не только мерой финансовой поддержки, но и одним из способов повысить авторитет пансиона или школы в глазах местного общества, привлечь большее число учащихся, что тоже приводило к улучшению материальной базы. Правительство, осознавая это, использовало финансовые механизмы для дав-

³⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 7. Д. 131. Л. 9–9 об.

³⁵ Там же. Л. 15.

ления на учредителей. У последних появился стимул улучшить работу своего заведения и иметь возможность для получения субсидии, ссуды или единовременного пособия. Хотя денежные средства, как правило, необходимы были на этапе становления учебного заведения.

В Казанском учебном округе существовали пансионаты, содержавшиеся на пожертвования частных лиц. Смерть или финансовые затруднения последних вели к закрытию этих учебных заведений. Например, пансион француза Гомиона в Вольске содержался на средства купца-миллионера, благотворителя и масона Константина Васильевича Злобина (1779–1813). Пансион назывался «Пропилей»³⁶. В нем преподавал видный деятель российского масонства, доктор богословия, историк, писатель, лютеранский священник, профессор восточных языков и философии Санкт-Петербургской Духовной академии Игнатий Аврелий Фесслер (1756–1839), сосланный в марте 1811 г. в Вольск за распространение безверия среди студентов. Одним из выпускников пансионата был Валериан Емельянович Клоков (1795–1843), видный русский государственный деятель, сподвижник М.М. Сперанского³⁷. «Пропилей» был закрыт из-за ухудшения семейных финансовых дел и тяжелой болезни К.В. Злобина. Аналогичная картина наблюдалась в пансионатах Голицыных в селе Зубриловка Саратовской губернии.

Среди современников широко было распространено мнение, что содержатели пансионатов «не столько стараются об образовании юношества, сколько о поправлении своего состояния»³⁸. Это, безусловно, верно. Однако провинциальные школы и пансионаты, ориентированные на средние слои населения, часто не приносили высоких доходов и их содержатели, достигнув преклонного возраста, были вынуждены обращаться к правительству за финансовой помощью. Но рассчитывать на получение пенсии или единовременного пособия могли не все. Среди таких «отказников» были содержательницы частных школ и пансионатов. Так, было отказано 70-летней С. Юнгвальд, 44 года содержавшей единственный женский пансион в Казани³⁹.

Стоимость и качество подготовки учащихся

По качеству подготовки учащихся и стоимости обучения пансионаты подразделялись на столичные – дорогостоящие и привилеги-

³⁶ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 769. Л. 67 об. – 69; Малов Н.М. Новые материалы по истории масонства в Саратовском крае // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2002. С. 95–197; Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 348.

³⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 149. Л. 2 об.

³⁸ НА РТ. Ф. 97. Оп. Правление. Д. 364. Л. 8.

³⁹ РГИА Ф.733. Оп. 10. Д. 381. Л. 9.

рованные, доступные лишь детям аристократов, и провинциальные – более дешевые, но плохо организованные. Это деление справедливо только отчасти. Действительно, Москва и Петербург предоставляли содержателям пансионов широкий выбор преподавательских кадров, а постоянно высокий спрос на услуги такого рода учебных заведений обеспечивал их необходимым количеством учащихся и позволял поддерживать высокую стоимость обучения. В таких условиях между столичными частными школами и пансионами имела место непрерывная конкурентная борьба, заставлявшая их совершенствоваться. Ее участниками являлись также государственные учебные заведения, уровень организации учебного процесса в которых был выше, чем в провинции.

Одной из самых насущных для провинциальных пансионов была проблема наполняемости учащимися. Ориентированные прежде всего на наиболее обеспеченные слои губернского общества – состоятельное дворянство и купечество 1-й и 2-й гильдий, провинциальные пансионы часто прекращали свое существование из-за малого количества учеников. Содержатели, установив высокую плату, делали свой пансион мало привлекательным для губернских жителей. Но это было необходимо для того, чтобы основатель мог окупить затраты на учебное заведение, содержать свою семью и откладывать средства на различные непредвиденные случаи (пожар, болезнь и т.п.) и обеспеченную старость. Тем не менее правительство и современники всегда упрекали содержателей пансионов в корыстолюбии и стяжательстве.

Снижение платы за пансион было одним из способов привлечь в него учащихся из других существовавших в губернском городе частных учебных заведений. В случае их отсутствия пансион, особенно женский, занимал в губернском городе монопольное положение. Это имело свои плюсы и минусы. С одной стороны, позволяло удерживать высокие цены на рынке образовательных услуг, с другой – этот пансион находился под повышенным вниманием училищного начальства. Его содержатель должен был поддерживать требуемый властями уровень образования и содержания, соответствующий взимаемой плате.

При основании пансиона его создатели использовали личный опыт пребывания в частном учебном заведении либо в качестве воспи-

танника, либо учителя (надзирателя)⁴⁰. Это способствовало созданию и поддержанию традиций в сфере частного образования и вело в конечном счете к его консервации.

В условиях дореформенной России в полной мере реализовывался процесс переноса частного пансиона из одного города в другой с сохранением не только институциональных основ, но и человеческого потенциала в виде учащихся и преподавателей. Главная причина этого процесса – переезд содержателя из одной столицы в другую, из столицы в губернский или уездный город. Относительно массовым этот процесс стал в годы Отечественной войны 1812 г. Другая причина переезда, например содержательницы пансиона, заключалась в переводе ее супруга на новое место службы.

В правление Николая I запреты и ограничения на открытие частных учебных заведений в столицах⁴¹ вели к уменьшению их количества и к переездам содержателей частных школ и пансионов в другие, не столичные губернии⁴². При этом опыт содержания частного учебного заведения в столице рассматривался как один из важных показателей благонадежности и благонамеренности учредителя. Оказавшись в провинции, содержатели столичных пансионов воспроизводили образцы, созданные и сформированные в центре. Это свидетельствовало о наличии репродуктивного механизма, который позволял транслиро-

⁴⁰ Содержательницы частных женских пансионов в Казани М. Пото и С. Юнгвальд обучались в 1770–1780-х гг. в Москве. Одна – в пансионе у Левена, другая – Штейннингера (НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 987. Л. 14, 15). Содержатель мужского пансиона в г. Козлове Тамбовской губернии Д. Жирарден служил примерно с 1781–1782 гг. до 1795 г. надзирателем в петербургском пансионе профессора Волие (Волке?, Волье?, м.б. де Вилье? – Девильнева Ф.С.) (НА РГ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 807. Л. 7), основатель казанского мужского пансиона А. Дечеврри, по его собственным словам, преподавал в «лучших пансионах Парижа», представив в подтверждение два свидетельства: от Массиза (?), содержателя пансиона в Париже и свидетельство Барруа, содержателя пансиона в Бри-Конт-Робер (НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4055. Л. 46).

⁴¹ Речь идет о запрещении с 1834 г. открывать новые мужские и женские пансионы в столицах (указ от 4.11.1833, СБП по МНП. Т. 2. Отд. 1. Стб. 473), в 1847 г. эта мера распространена на частные школы Петербурга (СБР по МНП. Т. 2. Стб. 941).

⁴² В мае 1842 г. М. Курвоазье, содержавшая вместе со своей сестрой Елизаветой школу для девочек в Петербурге, получила разрешение от министра народного просвещения открыть женский пансион в Перми (РГИА. Ф. 733. Оп. 8. Д. 164. Л. 1, 11; Оп. 89. Д. 112. Л. 182). В декабре 1842 г. в Пензе Ж. Кондратьева (урожд. баронесса Беллинсгаузен) открыла частный женский пансион, до этого она содержала в Петербурге одну из лучших школ для обучения детей обоего пола (РГИА. Ф. 733. Оп. 8. Д. 222. Л. 1об, 10; Оп. 89. Д. 112. Л. 116). В 1850 г. П. Ивановой было дано разрешение открыть в Астрахани частную женскую школу. Прежде она в течение девяти лет содержала в Петербурге частную школу для благородных девиц (НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6263. Л. 1, 7, 17). В 1851 г. А. Бервальд получила разрешение открыть в Екатеринбурге частный пансион для девиц, а в 1850 г. до переезда в Екатеринбург она содержала в Петербурге частную школу для девиц, которую закрыла по собственному желанию в том же году. По свидетельству инспектора частных школ и пансионов столицы, «заведение г-жи Бервальд, как по учебной, так и по нравственной части, находимо было им всегда в хорошем состоянии» (РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 839. Л. 2, 7).

вать элементы столичной культуры в провинцию.

В целом частные учебные заведения выступали альтернативной формой образования по отношению к домашнему обучению, средним и низшим государственным учебным заведениям. Их востребованность была обусловлена особенностями существовавшей государственной системы образования: недостаточным количеством государственных школ, их плохой материальной обеспеченностью, нехваткой педагогических кадров, незначительным числом элитных закрытых учебных заведений, широким распространением телесных наказаний. Частные учебные заведения, в первую очередь, стремились предоставить такие образовательные услуги, спрос на которые был велик в тогдашнем российском обществе и не удовлетворялся в должной мере государственной системой образования. Это предоставление девочкам возможности получить образование (начальное или среднее), языковая подготовка (упор делался на практику общения, навыки перевода), эстетическое воспитание.

Что привлекало родителей в частных школах и пансионах? Дешевизна обучения, по сравнению с наймом домашних учителей. Относительная элитарность некоторых пансионов, выражавшаяся в отсутствии детей разночинцев и духовенства (хотя и они были в списках учеников «благородных пансионов»). Гибкая система оплаты. Внутреннее устройство пансионов с присущей им семейной атмосферой, домашней обстановкой, патернализмом отношений, в противовес казенной атмосфере государственных школ. Родителей привлекала в частном учебном заведении возможность отдавать своих детей учиться в любое удобное для них время. Вообще авторитет родителей учащихся, их пожелания и требования для содержателя частного пансиона или школы были более значимы, чем для директора гимназии. Родители принимали участие в выборе учебных предметов, например, таких, как музыка и пение, и вносили за них дополнительную плату. Кроме того, по просьбе родителей детей иногда не обучали даже обязательным предметам, таким как история и география. Разница взаимоотношений родителей с представителями государственных школ и содержателями частных школ и пансионов нашла отражение в воспоминаниях одного из воспитанников маленькой частной школы: «В казенное учебное заведение родители входят как подчиненные или просители, входящие в присутственное место, и смиренно промолчат даже тогда, когда директор или инспектор сердито и бесцеремонно прикрикнет на них; в маленькую частную школу они идут с поднятыми головами, со своими уставами в чужой монастырь, и распекают беззастенчиво **“мадам”**, кри-

ча, что они даром не намерены ей платить денег. Там, в казенном учебном заведении, им самим грозят, что их ребятишек “исключат”; здесь, в частной школе, они застрачивают содержательницу, что “возьмут” из ее школы своих ребятишек»⁴³.

Заключение

Таким образом, создание частного учебного заведения было обусловлено рядом факторов: отсутствием или недостатком подобных школ в конкретном населенном пункте; желанием провинциального общества дать образование своим детям и поддержкой чиновничества; наличием человека, обладавшего определенным педагогическим опытом, авторитетом в среде местного общества, а также имевшего финансовые возможности и навыки успешного ведения хозяйства. Думаю, что успех в деле частного образования достигался при совпадении интересов и возможностей местных жителей и учредителей частных школ и пансионов.

В дореформенной России частные учебные заведения можно рассматривать как отдельные элементы гражданского общества, хотя гражданская инициатива в их создании была еще слаба и искала у государства финансовую и правовую поддержку.

Частные пансионы в провинции являлись источником европейской культуры. Они были также институтами, посредством которых происходило восприятие ценностей дворянской культуры и воспроизводство ее представителями других сословий. Это приводило иногда к неофициальному изменению сословной принадлежности.

Женские частные учебные заведения в провинции выполняли не только просветительские, но и благотворительные функции, а демонстрация на публичных экзаменах успехов воспитанниц и благонадежности учебного заведения заставляли представителей местного общества постепенно пересматривать свое отношение к проблеме женского образования.

Каждое из частных учебных заведений, созданное иностранцами, сыграло немаловажную роль в повышении образовательного и культурного уровня россиян, в развитии отечественной культуры. Французские учителя и основатели учебных заведений сыграли в этом процессе заметную роль.

⁴³ Шеллер А.К. (Михайлов А.) В маленьких школах // Русская школа. 1890. Кн. 1. № 3. С. 26–27.